
СВОБОДНАЯ ЗОНА

М.Ю. Вахтина

«СТРАТУМ» плюс ПАВ, или «ЕВРОПЕЙСКАЯ САРМАТИЯ»

ПОЧТИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ... (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В 1995 г. небольшой группе археологов Института Истории материальной культуры РАН в Петербурге пришла в голову мысль собрать «юбилейный» сборник статей в честь двух ученых, сотрудников Государственного Эрмитажа, Дмитрия Алексеевича Мачинского и Марка Борисовича Шукина.

Намечалось сразу два совершенно конкретных повода, позволявших нам отдать эту скромную дань любви, уважения и восхищения двум столь замечательным и столь ярким людям. Во-первых, близилось 25-летие студенческого семинара «Европейская Сарматия», организованного на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1971 г., с руководства которым началась официальная «учебно-воспитательная» деятельность Д.А. Мачинского и М.Б. Шукина; с той поры началась (или же возобновилась в ином качестве) их нерасторжимая связь с Петербургским Университетом. Кроме того, близился 60-летний юбилей обоих исследователей. Затея со сборником встретила всеобщий энтузиазм, редколлегия несуществующей еще книги сложилась моментально. В ее создание внесли свой вклад и многие, официально не упомянутые в «титрах». Среди них хочется назвать, прежде всего, Л.М. Всевиова, А.Ю. Алексеева, Е. Гирию, Ю. Гончарову, А. Липатова.

Идея была, без всякого сомнения, хороша. Времена же, однако, были трудные. Нерегулярные выплаты зарплаты, сидение зимой в неотапливаемом здании Института, закрытая (нет денег на уборку) основная, хорошо всем знакомая бело-мраморно-зеркальная лестница – все это составляло реалии тогдашней жизни. Сами же сотрудники, кроме основной своей работы, занимались кто чем мог для снискания пропитания. Стоит ли говорить, что довести дело до конца, то есть найти средства для издания нашего сборника, в тех условиях представлялось почти невероятным.

Тем не менее, работа над ним двигалась, давая нам ощущение того, что мы делаем светлое и хорошее дело, поддерживая и развлекая нас. Все разногласия, непрерывно возникавшие между невероятным количеством соучастников, соредкторов, соавторов, советчиков и просто помогавших, были вызваны исключительно желанием «сделать как можно лучше» и как можно больше порадовать юбиляров. Словом, «процесс шел» на фоне чрезвычайно выразительной обстановки, с участием многих неизмеримо пассивных личностей.

Как известно, эта история имеет счастливый конец. Сборник «Европейская Сарматия», посвященный юбилею Д.А. Мачинского

и М.Б. Щукина, увидел свет благодаря весьма своевременному вмешательству М.Е. Ткачука. Выход этого сборника знаменовал «исчезновение» петербургского ПАВ-а и начало регулярного выпуска «Стратумов». Этот первый, «переходный», выпуск, «желтая книга», формировался между Петербургом и Кишиневом: Марк Ткачук ездил туда-обратно, передавались, пересылались дискеты, рисунки...

Искушение писать с натуры было слишком сильным – многие события и сценки просто «просились под перо». Много может быть теперь оценено лишь непосредственными участниками тех событий, кажущихся сейчас такими далекими. Для понимания отдельных эпизодов или же реплик нужно было бы писать об-

ширные комментарии, которых не стоит более чем скромный текст пьесы. Поэтому я ограничилась лишь уточнениями некоторых особо «темных» мест.

Много воды утекло с тех пор. Много красивых, интересных, добротных изданных книг увидело свет. Но сборник «Европейская Сарматия», вышедший со странной «этикеткой» «Stratum + ПАВ», сияющий опечатками, сложившийся как-то сам собой между Петербургом и Кишиневом, положил начало целой серии прекрасно организованных выпусков «Стратумов», с успехом продемонстрировал важность «круговой поруки добра» и до сих пор остается одним из немногочисленных «юбилейных» сборников, которым удалось, преодолев все трудности, выйти в срок.

**«СТРАТУМ» плюс ПАВ,
или
«ЕВРОПЕЙСКАЯ САРМАТИЯ»
(ОНА ЖЕ – «ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КНИГИ»)**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА В 3-Х ДЕЙСТВИЯХ

С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Замысел, в котором все части складываются вполне удачно, никогда не бывает успешным. И только тогда, когда какая-нибудь мелочь нарушает гармонию, можно избежать полного разочарования.

Джейн Остин

Совершенство безгранично.

Д.А. Мачинский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(ОНИ ЖЕ – ИСПОЛНИТЕЛИ):

Л.С. Клейн
М.Б. Щукин
Д.А. Мачинский (без речей)
Магдалена Мончиньска (Магда) – прекрасная полячка
Младенец Нина,
коллеги:
О. Щеглова,
О. Шаров,
М. Ткачук
М. Казанский

С. Белецкий,
К. Марченко,
В. Зуев,
Ю. Виноградов,
Е. Рогов,
П. Шувалов,
М. Вахтина,
а также – призрак академика Ростовцева, экспедиция Щукина-Шарова, студенты Белецкого, уроды в банках, чучело двухголового теленка.

ПРОЛОГ

Октябрь 1971 г. Исторический ф-т ЛГУ, кафедра археологии, 75 аудитория. Группа студентов, в числе которых – молодые М. Вахтина, С. Белецкий, Ю. Виноградов.

Белецкий: Ну, слава Богу, отмучились! Ведь завтра воскресенье! Уроков никаких! (*Вахтиной*). Пошли домой, тебя я приглашаю дня выходного ради пройти пешком к Финляндскому вокзалу!

Вахтина (*оживляясь*): Ура, вперед!

Виноградов: И горе Годунову!

Входит неопределенного возраста Л.С. Клейн.

Клейн: Постойте все! С хорошей вестью я! Теперь в субботу каждую (с сего дня начиная) мною организована вам пара сверх программы и расписанья. Для всех желающих. То будет семинар с названием мудреным. Его я позже уточню и смысл вам разъясню. Вести его доверил я коллегам вашим старшим из Эрмитажа. Они уж тут, стоят за дверью. Считаю я, что курсу первому ходить туда полезно всем поголовно. (*Вахтиной*) Куда же Вы?

Вахтина: Так для желающих же!

Клейн: А Вам особо, считаю я, что будет там полезно. Убог круг Ваших знаний, узок кругозор...

Входят сравнительно молодые Щукин и Мачинский.

Белецкий (*Вахтиной*): Что, остаешься? Ну, я не дам себя так просто запугать – пойду пешком к Финляндскому один!

Удаляется. Все же прочие – остаются.

ДЕЙСТВИЕ 1

АКТ 1

Почти 25 лет спустя. Холодный, голодный январь 1995 г. Античный Отдел ИИМК РАН. Мороз, неплатежи. Сотрудники, в пальто и шапках, скрючившись, сидят на рабочих местах.

Вахтина (*входя в Отдел*): Привет, коллеги!

Рогов: А, кляча старая, явилась! В сугробах ты не заблудилась! И дверь тяжелую входную смогла открыть.

Виноградов: А помнишь, как бывало, еще лет так двадцать тому назад... Как прытко мы избегали по лестнице по главной! Тогда еще открыта она была...

Вахтина (*содрогаясь*): Постой, а сколько ж лет знакомы мы!?

Виноградов: Дай сосчитать... Да, кстати, ровно четверть века осенью и стукнет! На первом курсе были мы тогда, на семинар ходили по субботам...

Вахтина: А как же назывался он, тот семинар?

Виноградов: А «Европейская Сарматия»!

Все (*хором*): Вот это память!

Вахтина: Ах, да, да, да, я что-то вспоминаю... Название это странное тогда меня до жути поразило. И потрясло. Сбежать хотела я от этого кошмара. Но Клейн меня пресек от бегства. А помнишь ли учителей ты наших?

Виноградов: Как не помнить? Бывало, один из них опаздывал всегда, зато другой всегда являлся минут на 20 раньше, чтоб нас мучить. Держались так они совместно лет 5 или 6. А позже рассоединились, чтоб порознь успешнее терзать студентов, аспирантов, диссертантов. Терзают, слышал, и поныне. Но в наши дни терзанье было то благое. А сколько лет с тех пор прошло...

Все (*хором*): О, ужас, ужас!

Вахтина (*загораясь*): А что, а если... Ведь четверть века, как мы все знакомы! Пора уж памятник себе готовить... Но прежде – им, учителям любимым нашим. А способ у нас всегда один, известный всем...

Виноградов: Коллег мы призовем. Заманем из разных городов и весей. Если всех собрать из бывших их дипломников, студентов и попросту примкнувших и подпавших, мир содрогнется!

Рогов: А деньги где возьмем на то издание, копь и зарплату нам давно уж не платили...

Минута общего уныния. Нетвердой походкой входит коллега Марченко.

Марченко: Решали мы на общем на собрание институтском, что лучше – деньги выдать в руки или отопление включить и оплатить. Решили взять деньгами¹. А отопление мы купим сами – в ближайшем гастрономе.

Все (*хором*): Налей же нам, о Константин!

Прилив бодрости.

Вахтина: А сделаем мы вид, что деньги есть. Что молоды мы, счастливы, богаты...

Рогов: Оно похоже!

Виноградов: Это мысль. Ведь главное –

¹ Святая истинная правда. Заседание с таким вопросом в повестке дня и таким его решением действительно имело место в ИИМК-е.

начать. А там – хоть что-то подвернется. А предисловье пусть напишет Клейн.

Входит Щеглова.

Щеглова: Привет, коллеги! Не хотите ль пройти в славянский дружественный сектор – там меньше дует со двора. А слышали – в кирчовнике с утра давали кипяток для всех ослабленных². Покуда не пришел Белецкий и кипятильник им не пережег. Теперь и там уныние царит. А что у вас? А, сборник? Ведь главное – послать всем приглашенья. Сейчас напишем текст, сегодня, срочно.

Виноградов: К чему такая спешка?

Щеглова: Чем скорей, тем лучше, покуда пыл наш не остыл. К тому ж супруг мой Александр дежурит нынче в ночь при технике при всякой. Ее он охраняет. А что ты охраняешь, то имеешь, да плюс бумаги украдем. А спать там холодно. А значит, поутру огромный тот тираж готов к рассылке будет. Давайте ж список. Но только – деяние сие пусть будет в тайне от них самих, от Щукина-Мачинского. Не выйдет ничего – не будет им обидно. А выйдет – будет то приятный им сюрприз к 60-тилетию. И утешенье в старости, когда читать уж смогут только по складам.

Все (хором): Клянемся честью тайны той не выдать! Мы ж понимаем...

Виноградов: Ну, слава Богу, наконец-то все решили. Надо выпить.

Вахтина: Налей и мне. А то, когда домой являюсь, муж впадает в подозренья и возмущается. И говорит: «Я знаю, была не на работе, видно, где-то шлялась. Уж больно ты трезва!»

Все (хором): Налейте нам еще!

Рогов: Теперь задача – Клейна отловить!

Акт 2

Славяно-финский сектор. Щеглова,
Клейн, Шувалов.

Щеглова: О досточтимый Лев Самойлыч Клейн! Вы – дедушка науки нашей! И лучше всех историю ее, как и теорию, Вы знаете. (Клейн с удовольствием внимает). Ну что Вам стоит написать с присущим Вам талантом странички 2 иль 3 про Щукина-Мачинского?

Клейн: Про что!?

Щеглова: Про то, как были молоды они

сначала, надежды подавали...

Шувалов: И подали. Потом на кафедру пришли учить студентов...

Клейн: О да. Студентов обучал я с удовольствием и блеском. И помню, как сейчас, читая бронзы курс свой знаменитый, сказал однажды...

Шувалов: А Щукин и Мачинский?

Клейн: Ах, они... Про Щукина, я помню, говорил, что, ежели не выйдет из него уж ничего совсем и станет он бомжом иль клеptomаном, то пусть предьявят вексель мне тогда, лет этак через 40-50. Так враз умом своим, как бритва острым, проник я в суть явления и предрек...

Щеглова: Вот же вексель! (протягивает).

Клейн (разрывая): Не тот он! Вот я и говорю... на чем же я остановился... Сейчас читаю я блестящий новый курс и книгу я пишу и собираюсь...

Вдали беззвучно проходит Мачинский.

Шувалов: А Мачинский?

Клейн: Его я позже разглядел. Уж больно молчалив. Но в суть сего явления проникнуть также удалось умом моим могучим, и потрясло меня явление это тоже. Кстати, я сейчас свой семинар веду. И про него хочу я кратко рассказать...

Щеглова и Шувалов (хором): О, великий Клейн! Кто ж сравниться может с Вами по замыслам и исполнению! И по годам прожитым! Но все же, что Щукин и Мачинский?

Клейн: И Лебедев еще! Ему я тоже все предрек, как создавал варяжский семинар. О, как я прозорлив! И как умен!

Шувалов (в отчаянии): Я выхожу из редколлегии!

Занавес.

Антракт длится год.

ДЕЙСТВИЕ 2

Акт 1

Лето 1996 г. Париж. Жара, сытость, процветание. Посреди Монпарнаса стоит М. Казанский с письмом в руке.

Казанский: Уж пятое письмо я получаю, но не пойму никак... Ведь писано по-русски... Про Щукина-Мачинского я помню, как и про Бойля-Мариотта... Отправил две статьи уже, одну – Шарову, другую Вахтиной, но редколле-

² «Кирчовник» – кабинет Л.Б. Кирчо, бывшей в те годы ученым секретарем Института. Л.Б. Кирчо держала там «общественный» кипятильник и регулярно покупала по пол-буханки хлеба для подкормки коллег в присутственные дни.

гия обширна и велика. Что ж делать мне, чтоб в сборник тот попасть? Уж я и так, и так, про готов и про балтов...³

А, идея! Раз в месяц буду посылать им по статье, пускай подавятся! И так надеюсь я, что, несмотря на наводнения в США и Польше, и беспорядки в Аргентине, коровье бешенство в Бретани и полный уж бардак в Отечестве моем – что в сборник тот я попаду ... А также – достигну совершенства, прочь отменя соблазны жизни, как учил Мачинский своим примером личным. Держитесь, русские коллеги, трепещите, как я писать начну!

Поспешно удаляется на свое рабочее место в Сен-Жермен⁴.

АКТ 2

Февраль 1997 г. Петербург. Невская першпектива. Метель. У гомеопатической аптеки (угол Невского и Садовой) Вахтина поджидает М.Б.Щукина.

Вахтина: Как совесть гложет! Как дрожат колени! Штрейбрыхер я поганый! Ах! Чего не сделаешь за ради денег! Хотя бы за одну на них надежду! Иль тень надежды! И Родину продашь, и тайну выдашь!⁵

Появляется Щукин.

Щукин: Ну, как дела со сборником? Мне это очень интересно. Но денег я на него не дам.

Вахтина (заискиваяюще): Вот принесла Вам почитать статьи – от Марченко Ивана и Натальи, прислали также Берлизов с Яценко...

Щукин: Прекрасно! Дайте их сюда, прочту все с интересом, но денег вам не дам.

Вахтина (умильно): А вот пришла сегодня Казанского десятая статья ...

Щукин: Вот здорово. Работает Мишель в своем Париже, как вам не снилось. И серия его статей мне очень даже пригодится во время

³ М.М. Казанский, дезориентированный редколлегией, то и дело сообщавшей противоречивые требования к статьям участников, прислал аж две статьи, обещая, если понадобится, писать и присылать еще... Вторая его статья чуть позже была опубликована в «Археологических вестях».

⁴ Рабочее место коллеги Казанского действительно находилось в Сен-Жермене – он тогда работал во французском Национальном музее археологии.

⁵ Стремясь добыть средств на издание, М.Ю. Вахтина немедленно нарушила данную «клятву молчания» и рассказала об идее сборника М.Б. Щукину, надеясь «расколоть» последнего на экспедиционные деньги. Денег Марк Борисович нам не дал, однако сразу же включился в работу и неизменно оказывал редколлегии неоценимую (нематериальную) помощь.

курса моего на Факультете. Как что получите, несите сразу мне. Но денежек моих экспедиционных вам не видать, как и ушей своих!

Вахтина: Ну хоть зарплату дайте на общее на дело! А мы уж Вам отслужим!

Щукин: Да, знаю вас! А почему бы Вам за этим не пойти к Мачинскому!?

Вахтина (про себя): Ну да, с него вообще уж ничего нам получить и не удастся никогда! Живет он исключительно духовной жизнью, совершенства достигая.

Щукин: Позвольте Вас приветствовать. До встречи чрез неделю. Явки те же.

Вахтина: А деньги!?

Щукин: Там посмотрим. Но денег вам не дам.

Растворяется во мраке и метели.

Вахтина (с раскаянием): И вот злонравья моего достойные плоды!

АКТ 3

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН.

О. Щеглова, М. Вахтина,
Ю. Виноградов, О. Шаров,
В. Зуев и проч. ученики Щукина и Мачинского.

Шаров: Ведь денег нет и не предвидится. И посему я предлагаю разделиться. Прошу я всех сей час же оглядеть – сперва самих себя, потом – соседей. И после ответить на вопрос – кем он себя считает и чьим учеником – Мачинского или Щукина? Потом спросите то же у соседа справа. А после – слева. Чистосердечное признание вину смягчает. И сборник мы разделим на две части⁶. А после – посмотрим, кто кого.

Зуев: Посмотрим, кто кого.

Ученики Щукина: И мы вам зададим – ведь больше нас.

Ученики Мачинского: Мы качеством возьмем – все, что мы можем.

Вахтина (злобно): А ежели так – не дам я рукопись Казанского статьи в чужие руки!

Шаров (злобно): А я и не нуждаюсь – свою имею! И не одну! И все – получше вашей!

Виноградов: Ой, а у меня уж раздвоенные личности пошло, при мысли, чей я ученик!

Щеглова: Ой, и у меня!

Вахтина (окончательно взвешившись): А у меня вот нету! Да и не дождетесь! Учитель у меня один! И мысль научная всю жизнь одна-единственная – та, какую он вложил

⁶ Эта светлая мысль была озвучена в действительности.

в меня на первом курсе! Больше и у него не получилось! Обязана ему я просто всем! А впрочем, впрочем, впрочем... А ну вас к черту всех! Запутали совсем! Я выхожу из редколлегии!

Зуев: Я тоже. Из той, которая про Щукина. А во второй я остаюсь.

Тем боле, что давеча я обозвал Еременку (любимца Щукина), по поводу его статьи – «новейшим капитаном Врунгелем».

Щеглова: Еременку я знаю хорошо. Неужто он остался в долгу у Вас, Вадим?

Зуев: О, нет. В ответ назвал меня Еременку собакой.

Всеобщее оживление. Неожиданно входит коллега
Т к а ч у к. Крики, приветствия.

Ткачук: Что тут у вас? А, сборник? Люблю я сборники – и издавать их буду. Что деньги? Тлен! Презренный тот металл! Была бы дружба в силе. Как нравится мне ваша атмосфера содружества, душевного тепла.

Все ненатурально улыбаются друг другу. З у е в
з а к л ю ч а е т Ш а р о в а в о б ъ я т и я.

Ткачук: Я нынче уезжаю срочно в мою Молдавию. Приехал ровно я на два часа – взгляну хоть на семью, а также – утешусь дружбой вашей. А вы же – шлите летом дискеты, тексты со всеми поездками, идущими на наш блаженный юг. Пущай Шаров их получает, а я уж буду издатель ваш. Пока.

Стремительно исчезает.

Виноградов: Это какой-то сумасшедший дом! Я выхожу из редколлегии!

Акт 4

Мрачный подвал ИИМК РАН. Глухая ночь. В ночи мерцает экран компьютера, у которого, среди рукописей и дискет, сидит В. З у е в.

Зуев: Уж полночь близится. И все домой пошли давно. А мне хотя б набрать еще тут текстов парочку! Чтоб Ткачуку послать в личном виде, а не в таком, как авторы писали! Еще мечтанье я одно имею – составить список сокращений – тогда совсем похоже издание то будет на труд научный...

Замечтавшись, вдохновенно смотрит в темноту.

Внезапно между ним и компьютером материализуется в сиянии п р и з р а к
а к а д е м и к а М.И. Р о с т о в ц е в а.

Призрак Ростовцева (грозно): Не выйдет у нас скифского романа!

Зуев (вздрагивая и отирая холодный пот): Ну Вас, Михал Иванович! Испужали. Сначала мне в потемках показалось, что это кто чужой вошел, а это снова Вы, совсем как давеча...

Призрак Ростовцева: И чем Вы заняты в ночи, как тать!? Бессмысленной машиной этой! Чужою рукописью! Не помню уж, зачем и почему!

Зуев: Ну, будет, Михаил Иванович, прекрасно помните, я говорил – грядет 60-тилетье Мачинского и Щукина...

Призрак Ростовцева: Мальчишки! Я помню, что твердил не раз ведь одному из них по поводу...

Зуев (хватаясь за блокнот и ручку): Которому и что!?

Призрак Ростовцева (спохватившись): Ну, это наши с ним дела, и я ему еще скажу... А Вам сказать и повторить могу одно лишь, коль стали Вы не делом заниматься – не выйдет промеж нами романа скифского!

Зуев: Ну так сарматский выйдет!⁷

Призрак Ростовцева (про себя): Я раздражен невероятно. И взволнован. Мальчишки эти наглые всех возрастов и званий... А часто и без оных, как этот, например... И это раздражение и волнение, и эти странные порывы, научные иль нет, смешные, нелепые и благородные, все вместе, желанье что-то знать о мире древнем и просто любопытство – все страсти эти на земле (мои ли, их – неважно) тревожат и меня в могиле дальней и век мне продлевают, помогая присутствовать незримо... А впрочем, отбросим эти сентименты на минуту. Иль я не призрак!? Чтоб жизнь им медом не казалась в деяньи сем, а также для того, чтоб наглость их умерить, если то возможно (машинную хотя б)...

Протянув руку, касается дискет, компьютера, после чего дематериализуется. Компьютер немедленно гаснет, вся сцена погружается во мрак.

Голос Зуева (во мраке): Не стыдно ль Вам, Михал Иванович?! Ведь точно так, в 15-ом году Вы... Все. Ушел. Не трогал бы компьютера хотя б! Дискет не портил бы! Хотя я понимаю, что обидно – сойти в могилу, столько языков постигнув, oprичь компьютерного! А мне опять сначала начинать...

⁷ Вскоре В.Ю. Зуев защитил кандидатскую диссертацию. Он хорошо известен как биограф М.И. Ростовцева, сравнительно недавно был удостоен (как один из авторов) Государственной премии за книгу «Скифский роман», посвященную творческому наследию этого ученого. В сфере основных научных интересов В.Ю. Зуева и проблемы сарматологии.

ИНТЕРМЕДИЯ

Время и место – не поймешь, какое. Экспедиция Богуславского⁸. Дремучий лес. Избушка. В избушке, склонившись над колыбелью, О. Щеглова, поет. Младенец Нина (из колыбели) ей подпевает.

РОМАНС ОЛЬГИ:

В труде и покое проносятся дни.
В селе за рекою погасли огни.
Тиха и прекрасна небесная твердь,
В берлоге спросонья вздыхает медведь.

На елке ворона сидит на суку,
Цветочки склоняют головки в лесу.
Деревья качают Борей и Зефир,
Во всей во природе порядок и мир.

Одна я бессона во мраке сижу,
Ребенка качаю, на небо гляжу.
И мрачная дума терзает меня,
Лишая ночами здорового сна,

Вдали от поганой мирской суеты
К природе, покою несутся мечты.
Проклятая книга мне спать не дает,
Кошмары вселяет, тревогу несет.

От отвращения я вся дрожу!
Из редколлегии я выхожу!

Младенец Нина вторит.

АКТ 5

Лето 1997 г. Молдавия. Экспедиция Щукина-Шарова. Щ у к и н, Ш а р о в.

Шаров (*Щукину, с неестественной беззаботностью*): Мне, Марк Борисыч, опять же срочно нужно в Кишинев. И на вокзал. По личному по делу. Нет, даже Вам я не могу сказать. Но очень нужно.

Щукин: Олег, да сколько можно! Ведь пятый раз Вы едете за 10 дней! Что, действительно Вам очень нужно?

Шаров (*краснея и потупляя взор*): Да, очень. Так, к поезду...⁹

Щукин: Ну ладно. Надеюсь, то в последний раз.

Шаров (*с жаром*): Дай-то Бог!

⁸ Тем летом О.А. Щеглова выехала в экспедицию под руководством О. Богуславского с грудным ребенком – дочкой Ниной.

⁹ О.В. Шаров несколько раз был вынужден покидать Славяно-Сарматскую экспедицию ГЭ в Молдавии в самое горячее время, чтобы встретить питерский поезд с дисками статей, раскрыть которые удавалось далеко не всегда.

Стремительно уезжает в Кишинев.

Экспедиция Щукина-Шарова (*до сих пор слушающая издали*): Вот это да! Опять он в Кишинев собрался! И к поезду опять поволочится!

Один из сотрудников: Я знаю все! Сказал мне то в секрете страшном один коллега наш из Кишинева! Прекрасную там даму встречает наш Олег по средам и субботам! Она к нему тайком от мужа злобного на паровозе приезжает из Питера.

Другой сотрудник: Нет, из Москвы! Большая и светлая у них любовь!

Третий: Да, это видно. Ведь как стремится наш Олег к свиданью каждому и все дела бросает, волнуется он как!

Всеобщая зависть.

Четвертый: Да нет же, говорю я вам, неправда это! Знаю точно я, он получает груз контрабандный спиртных напитков самопальных, и здесь тайком их продает. И деньги копит, чтоб язык учить немецкий в преддверии стипендии Гумбольдта.

Пятый: А помните, как давеча начальник наш несчастный к той контрабанде приложился и чуть не помер? Не удержался, бедный!

Все (*хором*): Так низко пасть! Вот это понимаем – учитель и достойный ученик!¹⁰

Появляется прекрасная полячка Магдалена Мончиньска с авторучкой в руке.

Магда: Куда мне спрятаться и где укрыться, бедной!? Хочу почтить я славный юбилей своей статьей про культ умерших и втайне это сделать, чтоб получился сюрприз приятный. Так нет же! Со всех сторон глядят! А мне страничку хоть бы написать!

Воровски оглядываясь, прячется за отвалом. Из-за отвала медленно подымается призрак академика Ростовцева изависает в воздухе, следя за происходящим. Появляется Щукин.

Щукин: О, Господи, спаси и сохрани... Опять я призрак вижу... К чему бы это!?

Экспедиция Щукина-Шарова (*хором*): К 60-тилетию!

Щукин (*бодро*): Ну, время есть еще показаться и окреститься... Ежели и впредь тот призрак буду видеть, то лет через 30-40 уйду я в скит поститься и молиться. Пока ж дела земные

¹⁰ Случай жестокого отравления фальсифицированным алкоголем действительно имел место в экспедиции в 1997 г.; жертвами его были и М.Б. Щукин с О.В. Шаровым.

больше занимают. Вот, например, про Магду. Куда она все время исчезает? И что творится с нею? И почему при виде при моем она так спешно прячется? И не глядит в глаза? То совесть ее нечистая терзает... Откуда в ней пристрастия эти к уединению и тайне, доселе ей несвойственные? И эти тайные ее беседы с Шаровым, и оного поездки в Кишинев... Тут есть над чем подумать. А вдруг она агент своей родной и двух чужих разведок? Тогда как честный патриот молдавский намерен планы эти я разрушить. Эй, Магда, где же ты?

Голос из-за отвала (*громко и фальшиво*): Да здесь я, здесь, пейзажем тут любуюсь, цветочки собираю...

Щукин: Я в ужасе. А может тут другое – воздействие то солнца и вина молдавского на психику на слабую... И это странное ее в подпитии бормотанье про мертвых про каких-то немцев...¹¹ Нет, это все не экспедиция, а черт-те знает что...

Уходит в глубокой задумчивости. Появляется Шаров, к тому времени вернувшийся из Кишинева.

Шаров: Нет сил моих терпеть, страдать безвинно! И страшные дискеты эти видеть! Опять ведь половина не раскрылась! И дела нет, и Щукин раздражен, и слухи ходят... И вновь с утра пораньше по лагерю блуждал какой-то призрак и под ногами путался у всех ... Опять на той неделе мне в Кишинев переться за новой порцией дискет нераскрываемых... Сберу в мешок их все и Зуеву обратно в морду кину! И запирую на просторе! Решено – я выхожу из редколлегии!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ 3

Акт 1

Октябрь 1997 г. Петербург. Кунсткамера. Торжественное заседание, посвященное 60-летию Щукина-Мачинского.¹² Уроды в банках. Прочие экспонаты. Толпа учеников Щукина – Мачинского, среди которых – О. Щеглова детской коляской. В коляске – младенец Нина. Разрозненные остатки экспедиции Щукина-Шарова. В толпе время от

¹¹ Статья М. Мончиньской называется «Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV-VII вв. н.э.»

¹² Опять же святая истинная правда – это заседание, действительно, имело место в Кунсткамере (актовый зал Института антропологии и этнографии народов мира РАН).

времени мелькает призрак академика Ростовцева (впрочем, на него никто не обращает внимания).

Один урод (*другому*): О, сколько публики! Наверно, опять пришли смотреть гемикефалов.

Другой: О, нет. То будет юбилей одних ученых.

Третий: Странно. У них что – три ноги? Хотя бы на двоих?

Проходят Щукин – Мачинский, окруженные учениками.

Чучело двухголового теленка: И даже трех ушей ни у одного из них ведь нет!

Первый: Зато учеников – навалом!

Щукин и Мачинский делают по докладу. Аудитория внимает, потом разражается восторженными воплями.

Аудитория: Ура! Ура! Ура! Примите наши поздравленья! Вы – классики науки нашей почти что! Если сохраните разумность речи и прямохождение еще лет 5 или 10, то станете тогда почти как Клейн!

Щукин (*вполголоса Шарову*): Ну как, Олег, готово ль Ваше выступление научное?

Шаров (*отчаянно, глядя на часы*): О, нет. Мне, Марк Борисыч, опять же срочно надо на вокзал. Пакет я жду из Кишинева очень важный. Доклад же пусть делает Еременко. (*Еременке*): Тяни же время! Не пройдет и часа, как я вернусь, и будет всем сюрприз!

Стремительно исчезает. Еременко делает доклад. Шарова все нет... Щеглова укатывает коляску с младенцем за дверь и делает доклад.

Шарова все нет...

Из-за двери вкатывается обратно младенец

Нина и делает доклад...

Наконец вбегает Шаров с измятой желтой книгой в руке.

Шаров: Теперь пускай мне слово представят, хочу от нас, от всех учеников, поздравить я любимых наших юбиляров. И сборник этот драгоценный – единственный пока что, из Кишинева он, от Ткачука – вам преподнести. Один он на двоих. Как наша он любовь – един и неделим. И разрешите его название огласить публично. На титульном его листе сияют горделиво слова «Сармутя Еврыпейска!» Ах, извините, это опечатка – прокрались кое-где они то тут, то там... Ах, буквы странные, большие – Стратум и ПАВ какой-то, и плюс меж ними – нет, не опечатки, а так, аббревиатурочка одна... Кто тут еще не идиот совсем, так тот поймет. Но ничего, мы это все исправим

и разьясним – и года не пройдет! И весь тираж размножим! И никому тогда не скрывается от этой книги эпохальной! Как вам двоим не скрывается никуда от нас, учеников своих, и нашей к вам любви!

Восторженные крики и поздравления
учеников Щукина-Мачинского,
экспедиции Щукина-Шарова,
младенца Нины и всех
присутствующих.

Ученики Щукина-Мачинского: Дмитрий Алексеич и Марк Борисыч! Вот мы стоим перед вами, такие разные. А сколько же еще таких по городам и весям Отечества, и даже за границей! А сколько нарастает! И нарастет ведь, ежли не топить, покуда не прозрели! Но суть тут не в числе ведь, а в любви. И в космосе ее, особом, который тут витает уж четверть века, и живем мы в нем, порой не чувствуя того, не зная. За этот теплый мир, не только за науку, мы благодарны вам. За странную поруку ту круговую – правды и любви, любви и правды. Стоим вокруг мы тесным строем, такие разные, и иногда смешными, а иногда и глупыми мы кажемся, наверно, вам... Но это ничего. Ведь главное не это. И желтая та книга – ведь вышла в срок, каким-то Божьим чудом, хоть на нее и не было ни средств, ни денег, ни даже техники приличной не нашлось поближе Кишинева. А были только силы, желание вас порадовать, да наши души... Тем и писали. Мирились мы и ссорились в процессе и вновь мирились. Нету человека средь нас, который бы не вышел хоть раз из редколлегии, а после б – не вернулся в нее, проклятую... А пожелать... Что ж пожелать вам, кроме долголетия, любви и радости? И чтобы мы подольше вас тесным строем обступали!

Поздравления, поцелуи. Занавес. Из-за занавеса доносится шум – это пришла из Франции пятнадцатая статья коллеги Казанского.

ЭПИЛОГ

Год спустя. Октябрь 1998 г. ИИМК РАН. Конец трудового дня. Голод, холод, неплатежи. Белецкий, Рогов, Виноградов греются и разминаются в коридоре перед славяно-финским сектором. Невдалеке почтительно стоят студенты Белецкого. По лестнице (из библиотеки) плетется Вахтина.

Рогов: А, кляча старая, явилась! Неужто, по холоду и голоду такому сидела ты в библиотеке и там читать могла? Неужто борешься все с Соросом каким-то за женские свои права?¹³

Вахтина: Нет, больше не борюсь.

Падает в голодный обморок на руки
Белецкого.

Белецкий: О, верные мои студенты! Частью своею лучшей бегите срочно на угол за хлебом, другая часть пусть ставит воду кипятиться в славянском секторе! Вот деньги вам на все! Всех приглашаю, все гуляем нынче!

Виноградов: Так у тебя есть деньги? Дай посмотреть, как выглядят они.

Белецкий (гордо): В «Кульке» вчера зарплату дали мне. Читаем лекции мы там с моей собакой¹⁴, поименованной в честь Вахтиной – Марией.

Все (хором): Давай сюда кулек!

Славяно-финский сектор. Все греются, держа стаканы с кипятком в руках. Очередной прилив сил и оптимизма.

Виноградов: Как холодно! Подумать только, что это ведь еще октябрь! А что-то будет в январе!

Вахтина: А лет чрез 10-20!? Ежли, конечно, доживем.

Рогов: Вот это – знаю точно. Лет через 10 будет юбилей одних ученых.

Белецкий: И через 20 – тоже.

Все (хором): Пора собирать редколлегию!

Занавес. Из-за сцены доносится жуткий грохот – это обваливаются рубль и правительство.

КОНЕЦ

Санкт-Петербург, октябрь 1997 – октябрь 1998 гг.

Рукопись поступила в номер в феврале 2003 г.

¹³ В 1997 г. М.Ю. Вахтина получила грант фонда Сороса в номинации «Эмансипация в России» (конкретная тема была связана с формированием женских изображений в искусстве Европейской Скифии).

¹⁴ То есть в Институте Культуры, где С.В. Белецкий читал (и читает) курс вспомогательных исторических дисциплин и много чего еще.